

КАМЕРТОН

ОБОЗРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

U

КАК ВСЕ просто в этой схеме: есть голос — поешь, а если дан тебе прекрасный голос, то и поешь, соответственно, прекрасно.

Сергей Мартынов, солист академического Театра оперы и балета Латв. ССР, лауреат международных конкурсов, певческим голосом был одарен с детства. А кроме того — и любовью к пению, и каким-то интуитивным пониманием своего призвания. Пониманием того, в чем сможет он реализовать себя, состояться как личность. Сергей мечтал об оперной сцене. Вернее, даже не мечтал, а был уверен, знал наверняка, что будет оперным певцом. Хотя никогда пением не занимался, голоса своего специалистам не показывал. Самым сокровенным желанием Сергея было спеть

Как проста истина: только от тебя зависит, быть ли твоим восприятию мира не однозначным и тонким, а душе чуткой, быть ли тебе настоящим художником или лишь исполнителем. Но как непросто эту истину реализовать: тут и инерция, и вялость мысли, и просто лень. Мартынову именно детские годы дали те важнейшие впечатления, то главное, что затем оформилось в принцип: знать, думать, работать.

И даже когда через несколько лет на международном конкурсе вокалистов имени Марии Каллас в Афинах Мартынов стал вторым, он не почувствовал удовлетворения. Хотя в его подгруппе первое место вообще не было присуждено. Мартынов считал это половиной победы.

Молодой исполнитель и по годам (ему сейчас чуть за тридцать), и по сценическому опыту, Мартынов к

слепо следовать подсказкам коллег и суфлера. И я потом ничуть не переживал, ведь спел же!

Сейчас, выходя на сцену, я не могу не чувствовать себя ответственным не только за свою роль, но и за весь спектакль. И когда я, Банко в «Макбете», увидел своего «сына», по либретто четырнадцатилетнего юнца, с пышной бородой, стало совестно перед зрителями. А один из коллег удивился: «Разве тебе не все равно? Нет, мне не все равно, и я терпеть не могу людей равнодушных. Нужно уважать себя и свое дело.

Мне доводилось слышать: «Поете? Повезло! На одном голосе капитал зарабатываете. А тут вкальвай!» Так ведь и профессиональное пение тоже тяжелейший труд. И он не в том, чтобы как одержимому «драть глотку» с утра до вечера. Это, пожалуй, самое легкое. Я бы сформулировал так: труд певца — это целый комплекс постоянных психофизических нагрузок и строжайший психологический режим. В нем нет места для неурядиц, стрессов и даже головной боли. Что бы ни случилось с тобой, к зрителям не выйдешь с извинениями: мол, сегодня спую так себе, а уж в следующий раз понастоящему.

Зрители ждут от тебя праздника, и потому каждый выход на сцену — самый главный в жизни. Каждый раз выкладываешься до предела. Иначе не стоит. Только вдохновенное пение рождает вдохновение в слушателях. Только полная отдача дает величайшую радость — радость творчества.

О чем мечтаю? Нет, в конкурсах больше участвовать не буду. Здесь я себе уже все доказал. Победа никогда не была для меня самоцелью, она лишь один из способов самоутверждения. Нужно идти дальше. Путь в искусстве бесконечен: покорил одну вершину, а за ней уже другая, а там — еще одна... И к идеалу можно только приблизиться, потому что всегда можно будет петь еще совершеннее.

Очень хочу сыграть настоящие трагические роли — такие, как Филипп в «Дон Карлосе» или Иван Сусанин. Моя давняя мечта — Борис Годунов — исполнилась. Но появилась новая — спеть Бориса лучше, а потом еще лучше.

СЕЙЧАС Сергей Мартынов в Италии. Он продолжает стажировку в Ла Скала, чтобы, по словам самого певца, «закрепить обретенную свободу и раскованность в голосе».

А вы знаете, что и при отличном голосе можно оставаться всего лишь его рабом, — говорил Мартынов в одну из наших встреч. — Как-то ученые подсчитали, что драматический актер на сцене тратит на актерскую технику около 15 процентов внимания, в то время как у оперного певца на это уходит 75... Говорят, что бас развивается лет до сорока — сорока пяти. Но, думаю, быть мне вечным стажером.

А. МЕДВЕДЕВА.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

КОЛЫБЕЛЬ
ДЛЯ БАСА

Бориса Годунова. И как само собой разумеющееся принял то, что заговорил в один прекрасный момент басом. Точно так же не удивился Мартынов и тогда, когда, придя на консультацию в консерваторию (а было это в десятом классе), он услышал впервые: «Есть настоящий оперный бас!»

Так, значит, ведущие роли в театре, победы над вокалистами многих стран мира были предопределены Сергеем Мартынову совершенством его голосового аппарата? И этим, безусловно, тоже. Но не в первую очередь. Мартынов убежден: всем, чего достиг в опере, он прежде всего обязан своему детству. Потому что уже в детстве сложился его представления о жизни и творчестве, его отношение к искусству. А в последующие годы этот костяк лишь «обрастал мясом» нового жизненного опыта.

Сергей родился в театральной семье: мать — актриса, отец — режиссер. И сколько помнит Сергей, дом их всегда был полон интереснейших людей. По вечерам маленькая кухня превращалась в гостиную, где собирались актеры, музыканты, люди самых разных профессий и возрастов, объединенные общей страстью — любовью к искусству.

Во время гастролей в Риге Малого театра или МХАТа в дом Мартыновых непременно заглядывали те, с кем сдружил отца юность, годы учебы у Мейерхольда. Многие из тех гостей стали уже историей театра... И тогда и спорам добавлялись импровизированные спектакли. Вспоминая пьесы и роли, гости вдруг начинали разыгрывать сцену за сценой. Так, еще с запинкой читая «ма-ма мы-ла», Сергей уже знал пьесы Островского, Чехова, Горького...

— А помните эти строки Андрея Белого: «О поэт — говори о несильном полете столетий. Голубые восторги твои ловят дети», — Сергей на секунду задумывается. — Да, ловят дети... Мне довелось «ловить восторги» удивительных людей, бывавших в нашем доме. А отец? Энергичный, увлеченный, независимый и уверенный (что от опыта, осознания цели и основательных знаний), он был для меня авторитетом во всем. Отец терпеть не мог расхлябанности, работы вполсилы. Нетворческое отношение к творчеству считал оскорбительным.

Замечательно, что в те самые годы, когда шло созревание души, становление его как человека, Мартынову так везло на встречи с людьми неординарными. Вот и в консерватории его учителями стали профессора А. Вилюман, Л. Вигнер, Г. Браун, воспитавшие целую плеяду оперных певцов. Именно воспитавшие, потому что наряду с профессиональными уроками они давали своим ученикам и уроки нравственные, этим влияя на их судьбу.

II

ИНОЙ скажет: да он, Мартынов, — баловень судьбы! Прекрасный от природы голос, замечательные, ну просто идеальные условия для творческого развития личности. И о чем тут говорить? Но дело в том, что и голос, и условия были для Мартынова лишь отправной точкой, тем крепким основанием, на котором он сам энергично и целенаправленно воздвигал свой успех. В этом ему помогла одна крупная... неудача.

В восьмидесятом году Мартынов, уже солист оперного театра, отправляется на международный конкурс имени Глинки. Немного не хватило времени отшлифовать конкурсную программу, но Сергей в общем-то был спокоен — уверен в своем голосе. И вдруг — полный провал. Вылетел уже с первого тура...

Кстати, неудача — вещь коварная. Для одних, любящих себя в искусстве, она может стать началом конца. Тут и ущемленное самолюбие, и неуверенность, разочарование в себе, и злые мысли: «Интриги! Талант затирают». Для других она становится не меньшим потрясением, вот только выносятся для себя они иное.

Мартынов, потерпев фиаско, переживал недолго. Прежде всего предстояло разобраться в причинах. И Мартынов снова отправляется на конкурс, теперь имени Чайковского. Не как участник, а как ученик: слушал, анализировал, сопоставлял. Понял главное: к победам он был еще не готов — ни профессионально, ни чисто человечески. Домой вернулся уверенным, что первым он обязательно будет.

тому времени уже создал в театре такие роли, как Греммин в «Евгении Онегине», Банко в «Макбете», король Рене в «Иоланте». И как подарок судьбы — работа над «Борисом Годуновым», где он исполнил две роли — Пимена и царя Бориса.

Зачем же ему так нужна была победа? Для славы, карьеры? Глупости! Уже слишком велика та ежедневная цена, которой он оплачивал эту победу. Он сжигал себя в надеждах и исканиях; исконно самый тяжелый труд называли каторжным — Мартынов на такую каторгу обрекал себя сам и находил в ней упоение.

Мартынов не хотел и не умел быть вторым не потому, что болезненно самолюбив или тщеславен. Он точно знал меру своего таланта и, главное, меру ответственности за этот талант.

В июле прошлого года Сергей Мартынов вернулся в Ригу после стажировки в Ла Скала. Он стал вторым в истории латвийской оперы, вторым через двадцать лет после Забера, кто удостоился права этой стажировки. Он получил это право, пройдя в Москве жесточайший конкурсный отбор. Мартынов вернулся из Италии лауреатом крупнейшего международного конкурса «Вердиевские голоса», который проводится на родине великого композитора в городе Буссетто.

III

— Я МНОГОЕ понял и многому научился за этот небольшой срок — пять лет на сцене. Каким легкомысленным кажется мне тот, начинающий Мартынов, который полагался лишь на свой голос: мол, была, не была, вывезет. Это касается не только конкурса имени Глинки.

Поступив в театр, начал готовить роль Слепого в опере «Играл я, плясал». Уже репетировали ансамбли, как меня призвали в армию. Служил в Риге. И однажды, когда на спектакль не явился исполнитель роли Слепого, меня вызвали в театр. О сценическом действии я и понятия не имел, да и роль к тому времени основательно подзабыл. Приходилось то лихо импровизировать, то